

SONYA ROFFE

Любовь
КОТОРАЯ
УБИВАЕТ

«Счастье, выстроенное на чужих исчезновениях.
И вопрос, который она боялась задать:
не станет ли она следующей?»

18+

Sonya Roffe

Любовь которая убивает

«Автор»

2026

Roffe S.

Любовь которая убивает / S. Roffe — «Автор», 2026

Роскошные ужины, экзотические пляжи, главные роли в фильмах самого известного режиссёра страны — Дарья будто вытянула билет в жизнь мечты. Но у этой сказки есть тёмная изнанка: чтобы всё это иметь, ей приходится делить Кирилла Дмитриевича с его женой. Он клянётся, что скоро всё изменится, и Дарья верит каждому его слову до тех пор, пока не находит в кабинете Кирилла старую газету с заметкой о смерти его бывшей любовницы. Сухие строки, фотография, дата — и внезапное понимание: это не случайность. Погружаясь в прошлое Кирилла, Дарья обнаруживает всё больше тревожных деталей, а безупречная и пугающе спокойная жена Кирилла, Таня, будто знает куда больше, чем говорит. Постепенно Дарья осознаёт: женщины, которые были близки к Кириллу Дмитриевичу, исчезают из его жизни слишком странным образом. И теперь вопрос не в том, любит ли он её, а в том, останется ли она жива. Ей предстоит выяснить, кто здесь настоящий хищник — и не стать его следующей жертвой.

© Roffe S., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Флешфорвард	5
Глава 1	7
Глава 3	12

Sonya Roffe

Любовь которая убивает

Флешфорвард

Петербург в тот вечер будто затаил дыхание. Тяжёлые тучи нависли над городом, а огни Невского казались не праздничными, а какими-то тревожными — будто кто-то рассыпал по улицам осколки чужого, недоброго света. Ветер гнал по мостовой обрывки газет, стучал в окна, словно хотел докричаться до тех, кто уже перестал прислушиваться к предупреждениям. В воздухе висела сырость — она пробиралась под кожу и заставляла невольно ёжиться, даже если ты стоишь в дорогом, отлично отапливаемом доме.

Дарья стояла в кабинете Кирилла. Тут всё было строгим: тёмное дерево, строгая кожа кресел, стеллажи с книгами, которые, похоже, никто никогда не открывал. В воздухе пахло дорогим парфюмом и той самой холодной уверенностью — так пахнет у человека, который привык, что всё идёт по его плану. Раньше этот запах манил Дарью, а сейчас вдруг стал казаться удушающим — будто вокруг неё медленно сгущался тяжёлый, плотный дым.

В руке она по-прежнему сжимала вырезку из старой газеты. Пальцы дрожали, но Дарья не выпускала её, будто эта пожелтевшая полоска бумаги была её единственным якорем в стремительно уносившем её течении. Сухие строчки впивались в сознание, как иголки: дата, имя, короткая фраза про «трагическое происшествие». Фотография была размытой, лицо почти стёрлось, но глаза будто смотрели прямо в душу. Дарья пыталась убедить себя, что это просто случайность, старое дело, чья-то чужая беда. Но внутри всё сжималось от мысли, что случайностей тут не бывает.

Она вообще не должна была сюда заходить. Кабинет был территорией Кирилла, его крепостью: даже домашние стучались, прежде чем войти. Но сегодня дверь оказалась чуть приоткрыта — ровно настолько, чтобы любопытство, смешанное с тревогой, потянуло её внутрь. Сначала Дарья просто хотела найти папку с билетами на завтрашний рейс: Кирилл обещал, что они улетят туда, где не будет ни звонков, ни совещаний, ни его жены. Потом взгляд зацепился за стопку бумаг на краю стола, за конверт с полустёртым штампом, за фото в нижнем ящике — на нём Кирилл стоял рядом с женщиной, чьего лица Дарья раньше никогда не видела. А потом попалась газета. Старая, пожелтевшая, спрятанная между папками так, будто её не хотели видеть под рукой, но и прятать по-настоящему не стали.

Именно эта небрежность пугала больше всего. Не тайник, не сейф, не запёртый ящик, а просто «между томами», «под папкой», «на нижней полке». Так прячут то, к чему рано или поздно придётся вернуться.

Вдруг послышались шаги. Они становились ближе — уверенные, неторопливые. Ещё минуту назад они казались Дарье признаком надёжности, а теперь звучали как отсчёт последних секунд. Она метнулась к полке, сунула вырезку между книгами, провела ладонью по корешкам, стараясь вернуть всё на место и сделать вид, что ничего не трогала. Но пальцы предательски дрожали, а в висках стучало так громко, что, казалось, этот стук слышит весь дом.

Дверь распахнулась. Кирилл замер на пороге — в пальто, с каплями дождя на плечах. На секунду в его взгляде мелькнуло что-то незнакомое: не раздражение и не усталость, а мгновенный, острый холод, будто перед ним стояла не любимая женщина, а угроза. А потом маска вернулась: лёгкая улыбка и привычное «Ты что тут делаешь?», сказанное так, словно это был самый обычный вопрос, а не начало чего-то опасного. В этом плавном переходе от холода к улыбке было что-то пугающе отточенное — будто он репетировал его сотни раз.

Из дальнего угла гостиной, из полумрака, за ними наблюдала Татьяна. Она не вошла, не окликнула, не нарушила сцену ни единым словом. Просто сидела прямая и неподвижная, будто вырезанная из гранита. Её глаза, холодные и внимательные, скользили по Дарье, по полке, по едва заметной неровности на корешках книг. В этом взгляде читалось: «Я всё вижу. И я жду».

В этот миг Дарья поняла: она не просто нашла старую заметку. Она открыла дверь в лабиринт, где каждый поворот может стать последним. И теперь вопрос был не в том, любит ли её Кирилл. Вопрос был в том, позволит ли он ей уйти отсюда живой — и знает ли он сам, что уже не контролирует эту игру.

Но самое страшное Дарья заметила только сейчас. Её взгляд скользнул по столу — и зацепился за ещё один пожелтевший листок, такой же, как тот, что она спрятала между книгами. Только на нём была другая дата. Другое имя. Другая история. И все они, похоже, были частью одной бесконечной, смертельно опасной цепочки.

Прежде чем Кирилл успел сделать шаг вперёд, прежде чем Таня хоть чуть-чуть шевельнулась в своём каменном кресле, Дарья поняла: это не случайная находка. Это приглашение. Или предупреждение. И теперь, когда она его приняла, обратного пути уже не будет.

Глава 1

Даша только-только отпраздновала восемнадцать лет. Казалось, эта дата должна была принести с собой ощущение взрослости, свободы, права принимать решения без оглядки. Но вместо этого Даша чувствовала странную лёгкость, будто из неё вынули что-то тяжёлое, а новое, взрослое наполнение ещё не успело занять его место. Восемнадцать — не просто цифра, а порог: именно с этого возраста принимают в театральный.

Она сидела в комнате возле пустого чемодана, и тишина вокруг казалась оглушительной. Она звенела, словно само пространство старалось подчеркнуть: вот-вот всё изменится. Когда дверь тихо скрипнула и в комнату вошла мама, Даша даже не вздрогнула — она будто ждала этого момента, как ждут первого удара колокола перед важным обрядом.

Мама остановилась на пороге, держась за ручку двери, словно не решалась её отпустить. Эта ручка казалась последней ниточкой, связывавшей Дашу с домом. На маме был тот самый свитер, который Даша помнила с детства: мягкий, слегка растянутый, пахнущий домом и чем-то бесконечно родным.

— Даш, всё хорошо? — тихо спросила мама, переступая порог. Её голос звучал осторожно, будто она боялась спугнуть хрупкую тишину, державшуюся на одной тонкой ниточке.

Даша хотела кивнуть, хотела сказать «да», но горло сжалось, не давая вытолкнуть даже это короткое слово. Она опустила глаза, чтобы не встретиться взглядом с мамой: знала, что стоит только посмотреть в эти родные, понимающие глаза — и все планы, все мечты о сцене и большом городе рассыплются, как карточный домик.

— Не знаю, мам, — с тяжёлым вздохом призналась Даша, не поднимая взгляда. Эти слова прозвучали не как отказ, а как искреннее признание: она и правда не знала, хорошо ли всё. Знала лишь одно: остаться она не могла, но и уходить было страшно до дрожи в пальцах.

Мама сделала ещё шаг, потом ещё, пока не встала совсем рядом. Она не стала садиться, не стала обнимать — просто осталась стоять рядом, давая Даше право самой решить, когда ей понадобятся эти объятия. В этой сдержанности было столько любви, что у Даши на мгновение перехватило дыхание.

— Ты столько лет выходила на сцену, где скрипели половицы, а в воздухе висела пыль, — тихо сказала мама. Её голос звучал твёрдо, хотя в глазах дрожали слёзы. — Теперь иди туда, где пыль сметают до начала спектакля, а свет софитов слепит так, что не видно собственных рук.

Слова ударили не грубо, а точно — прямо в сердце. В них не было упрёка, попыток удержать или показной гордости — только признание того, что Даша выросла и её место теперь там, где сложнее, ярче и страшнее. От этого становилось одновременно легче и тяжелее: легче, потому что её понимали, тяжелее — потому что пути назад больше не было.

Выйдя из здания аэропорта, Даша словно столкнулась с городом лицом к лицу. Он обрушился на неё сразу со всех сторон: порывом ветра, гулом машин, запахом бензина и мокрого асфальта. Чемодан вдруг стал тяжелее, чем в родном городе, будто впитал в себя весь этот чужой шум. На секунду она замерла, стараясь удержать равновесие — не столько в шаге, сколько внутри себя. А потом решительно направилась к ряду такси у выхода.

Сглотнув комок в горле, она села на заднее сиденье такси и тихо произнесла:

— Театральный колледж, пожалуйста.

Водитель кивнул, ничего не сказав, и машина тронулась. Петербург тут же втянул Дашу в свой ритм — быстрый, равнодушный, не терпящий остановок. Она прижалась лбом к холодному стеклу и смотрела, как за окном мелькают силуэты домов, светофоры, рекламные щиты. Всё сливалось в одну непрерывную ленту, будто город торопился показать ей сразу всё, чтобы она не успела по-настоящему испугаться.

На коленях лежала папка — её «доказательство»: вырезки из газет о школьных постановках, распечатанный монолог, фото, где она смеётся так искренне, что даже на снимке видно — она живёт только на сцене. Сейчас эта папка казалась тяжёлым грузом, который нужно было нести, не уронив ни слова.

В груди всё сжималось, а страх подкатывал к горлу тугой, горькой волной. Мысль крутилась в голове: «А если я просто девочка из провинции, которая слишком много о себе возомнила?» Даша закрыла глаза и попыталась вспомнить упражнение, которому её научила школьный психолог: «Считай вдохи: четыре секунды — вдох, четыре — задержка, четыре — выдох». Но цифры рассыпались, и вместо счёта в голове снова и снова звучало: «Я не справлюсь».

Радио щёлкнуло, переключаясь на новую волну, и вместо нервного джаза полилась старая поп-мелодия — та самая, которую они с мамой всегда включали на полную громкость, когда мыли посуду после ужина. Звук ударил по вискам, как вспышка. Перед глазами потемнело, воздух стал густым, почти липким. Даша опустила окно на сантиметр, впуская внутрь запах города, но он не приносил облегчения.

Она вцепилась пальцами в обивку сиденья, чувствуя, как ногти впиваются в ткань. Сердце колотилось где-то в горле, перекрывая дыхание, а в ушах нарастал гул, похожий на шум прибоя, только этот прибой грозил её смыть.

Рука потянулась к телефону, пальцы дрожали так сильно, что она не могла попасть по экрану. «Мама. Позвони маме». Раз, второй, третий — экран не слушался.

— Эй, с тобой всё в порядке? — голос водителя прорвался сквозь гул в ушах. Он смотрел на неё в зеркало, и в его взгляде читалась не столько забота, сколько настороженность человека, который не хочет лишних проблем в салоне.

Даша хотела сказать «да, всё хорошо», но из горла вырвался сдавленный звук — что-то между всхлипом и кашлем.

— Просто... немного укачивает, — выдавила она. — Можно... чуть медленнее?

Водитель хмыкнул, но скорость не сбавил. Петербург не умел ехать медленно. Он гнал вперёд, тащил за собой, не спрашивая, готова ли ты.

Даша опустила голову между коленями. Перед глазами был только грубый шов на любимых кедах — неровные стежки, за которые цеплялся взгляд, как за спасательный трос. Это было настоящее. Здесь страх оставался просто страхом, а не чем-то, что могло её раздавить.

От грубых слов водителя паника вдруг начала оседать, как пыль после удара. Это была не сцена, не испытание судьбы. Обычная поездка, уставший водитель и город, который не собирался никого шадить.

Даша глубоко, судорожно вдохнула. Воздух наконец-то попал в лёгкие.

— Простите, — прошептала она, вытирая испарину тыльной стороной ладони. — Просто... первый день в новом городе.

Водитель пожал плечами, будто такие сцены были для него такой же частью пейзажа, как светофоры и пробки.

Пока машина петляла по улицам, Даша снова и снова возвращалась мыслями к маминым словам. Она вдруг поняла, что самое важное в них было не «будь лучшей», а «будь жива». И этого было достаточно, чтобы сделать следующий шаг.

Когда машина свернула в переулок возле театрального колледжа, Даша почувствовала не облегчение, а новую волну страха — холодную и тяжёлую, как мокрый плащ. Здание возвышалось над улицей, тёмное, монументальное, с высокими окнами, похожими на пустые глазницы. На афише у входа красовалась фотография ослепительно красивой девушки с дерзкой улыбкой и взглядом, в котором читалось: «Я знаю, что я лучшая». Под фото — надпись: «Прослушивания для нового экспериментального проекта. Только для самых смелых».

Даша застыла у края тротуара, чувствуя, как остатки паники переплавляются в стыд: «Ты просто девочка из провинции. Что ты здесь делаешь?» Она уже хотела развернуться, сделать вид, что ошиблась адресом, когда к ней подбежала девушка — яркая, шумная, с копной бело-снежных кудрей и такой энергией, что, казалось, она подсвечивала всё вокруг.

— Ты тоже на прослушивание? — выпалила она, останавливаясь прямо перед Дашей и загораживая ей путь к отступлению. — Я думала, я одна такая сумасшедшая, кто пришёл за полчаса. Меня зовут Алина. А ты?

Даша открыла рот, чтобы сказать «нет, я просто мимо проходила», но вместо этого услышала свой голос:

— Даша. И... да. Я тоже.

Алина широко улыбнулась, будто это была самая хорошая новость за день, и схватила Дашу за руку, потянув её вперёд.

— Отлично! Значит, мы будем бояться вместе, — выдохнула Алина, словно сама от этой фразы становилась чуть спокойнее. — Знаешь, про этот институт столько мифов ходит... Будто тут с первого взгляда видят, врёшь ты или нет. И если у тебя хоть капля фальши — тебя даже до сцены не допустят. Ещё говорят, что комиссия запоминает каждого, кто переступает порог, даже если ты просто заглянул спросить дорогу.

Она на секунду запнулась, будто споткнулась о собственные воспоминания, и голос её стал тише, мягче:

— Я в прошлом году подавала документы... и не прошла прослушивание. Я тогда плакала всю дорогу, — призналась она почти шёпотом. — И знаешь, что самое странное? Мне до сих пор кажется, что они тогда уже всё про меня поняли. Будто прочитали меня насквозь, как открытую книгу, и решили, что в этой истории не хватает главного — искры.

Алина отвела взгляд, уставившись куда-то в сторону, будто снова видела ту самую дорогу домой, по которой шла, глотая слёзы.

— А потом сидела и думала: «А вдруг они правы? Вдруг во мне действительно нет этой искры?» Но потом я поняла: если я позволю кому-то решать, есть во мне искра или нет, значит, её точно нет. Поэтому в этом году я пришла снова. Даже если опять не пройду — я хотя бы буду знать, что сделала всё, что могла.

Даша слушала, не перебивая, и чувствовала, как в груди что-то тихо сжимается — не от чужой боли, а от смелости Алины, которая выкладывала эту боль наружу, не пряча, не сглаживая углы. Слова Алины падали в тишину между ними, тяжёлые и честные, и от этого самой Даше вдруг стало чуть легче: если кто-то может вот так открыто говорить о своём страхе, значит, и ей не обязательно держать свой внутри, как горячий уголь.

«Она ведь тоже дрожит, — мелькнуло у Даши в голове. — Просто у неё страх звучит как энергия, а у меня — как тишина».

Даша чуть наклонила голову, подбирая слова, чтобы не звучать слишком сухо или, наоборот, чересчур эмоционально.

— Спасибо, что сказала, — тихо произнесла она и сама удивилась, как спокойно это прозвучало. — Мне... мне было важно это услышать. Не потому что стало не страшно, а потому что теперь я не одна с этим страхом.

Алина снова улыбнулась, но теперь улыбка была не такой широкой, не такой отчаянно-яркой. В ней появилось что-то более тихое, настоящее.

— Ну вот, — сказала она, чуть кивнув. — Значит, будем не просто бояться, а бояться вместе. А это уже почти как быть смелой.

Даша слабо улыбнулась в ответ, чувствуя, как сквозь плотный слой тревоги пробивается крошечное, осторожное тепло.

«Может, и правда не нужно быть идеальной, — подумала она. — Может, достаточно просто стоять здесь, рядом с кем-то, кто тоже боится, и всё равно идти вперёд».

— И знаешь, — добавила Даша, будто пробуя смелость на вкус, — если в этом году не пройду... я тоже не сдамся. Не сразу. Сначала попробую ещё раз. Или два. Или столько, сколько понадобится, чтобы понять: я делала всё, что могла. Как ты.

Алина посмотрела на неё внимательно, будто в этих словах искала подтверждение, что она не зря пришла, не зря снова рискнула.

— Вот это и есть искра, — тихо сказала она. — Не блеск, не идеальная подача, не безупречный голос. А вот это: стоять, когда дрожишь, и всё равно говорить: «Я здесь. Я попробую».

И Даша вдруг почувствовала, как страх не исчез, но стал чуть меньше — не потому что его не стало, а потому что он теперь был не только её. Он разделился на двоих, и от этого перестал казаться таким невыносимо тяжёлым.

Они подошли к кованым воротам, где толпа абитуриентов будто разделилась на два потока, обтекая вход, как вода обтекает камень. Даша на секунду замешкалась, пытаясь понять, куда двигаться, и в этот момент из боковой арки стремительно вылетел парень. Он нёсся вперёд, не глядя по сторонам, и врезался в Дашу плечом — резко, без остановки. Она пошатнулась, едва не выронив папку, и по руке пробежала колючая дрожь от столкновения, будто город впервые толкнул её всерьёз.

— Эй! Смотри, куда идёшь! — крикнула Даша, сама не ожидая от себя такой резкости. Голос прозвучал громче, чем она хотела, прорвавшись сквозь весь тот гул, что копился внутри неё с самого аэропорта.

Парень на миг замер, будто только сейчас осознал, что столкнулся с кем-то. Он обернулся, на секунду задержал взгляд на Даше — в нём мелькнуло что-то вроде виноватой растерянности, — а потом, не сказав ни слова, снова рванул вперёд и исчез в дверях колледжа.

Даша стояла, всё ещё сжимая в пальцах папку, и чувствовала, как по коже бегут мурашки — не столько от удара, сколько от этой нелепой, резкой вспышки.

— Вот это да, — тихо протянула Алина, проследив за его фигурой в дверях. — Тут обычно все стараются быть тише воды, чтобы не привлекать внимания комиссии, а этот будто специально прокладывает себе дорогу.

Даша только кивнула, не в силах подобрать слова. Внутри всё ещё звенело от столкновения, и это странное, резкое чувство будто стёрло часть прежнего страха, оставив вместо него какую-то колючую ясность.

Они прошли через тяжёлые дубовые двери, и шум улицы тут же сменился другим звуком — не тишиной, а гулким, многослойным шумом, который бывает только в старых зданиях: скрип паркета, приглушённые голоса, чьи-то быстрые шаги, отдающиеся эхом в коридорах. Вестибюль был высоким, с лепниной под потолком и широкими лестницами, расходившимися в разные стороны, как ветви дерева. На стенах висели афиши и чёрно-белые фотографии актёров разных лет — лица смотрели строго, будто напоминали каждому вошедшему: «Здесь не шутят. Здесь работают».

У стойки администратора толпились абитуриенты: кто-то нервно переспрашивал расписание, кто-то сверялся со списком, кто-то просто стоял, стараясь не смотреть никому в глаза. Алина уверенно повела Дашу мимо этой суеты, вдоль стены, где на доске объявлений висели распечатанные листы с номерами аудиторий и потоками.

— Нам туда, — кивнула Алина в сторону левого крыла, где коридор сужался и уходил в полумрак. — Прослушивания в 214-й. Говорят, там акустика такая, что слышно, как у тебя сердце стучит.

Они свернули в коридор, и Даша вдруг почувствовала, как воздух здесь стал плотнее, будто пропитан чужим волнением. По обе стороны тянулись двери с табличками, из некоторых доносились обрывки монологов, кто-то репетировал шёпотом, кто-то — громко, срываясь на

хрип. У одной из дверей девушка стояла, закрыв лицо руками, и беззвучно шевелила губами, будто пыталась удержать слова, чтобы они не сорвались раньше времени.

Возле нужной аудитории уже собралась небольшая очередь. Кто-то нервно листал текст, кто-то растирал ладони, кто-то смотрел в одну точку, стараясь ни на кого не реагировать. Над дверью висела табличка: «Аудитория 214. Прослушивание. Входить по одному». Рядом на стене кто-то вывел карандашом: «Не будь идеальным. Будь настоящим». Даша на секунду задержала взгляд на этой надписи, словно в ней был спрятан какой-то личный знак.

— Ну вот, мы и пришли, — сказала Алина чуть тише, будто боялась спугнуть момент. — Сейчас вызовут. И знаешь... не пытайся быть лучше, чем ты есть. Они чувствуют фальшь за километр. Но если ты будешь просто собой — пусть дрожащей, пусть сбивающейся, пусть с красными глазами, — это уже что-то. Потому что это правда.

Даша кивнула, хотя внутри всё снова начало сжиматься. Она достала из папки распечатку монолога, и бумага предательски задрожала в её пальцах.

Где-то в глубине здания хлопнула дверь. По коридору прокатился гул голосов. Очередь начинала двигаться.

Даша сжала в пальцах лист с монологом. Паника всё ещё сидела внутри тяжёлым холодным камнем. Но теперь к ней примешивалось что-то ещё — то самое упрямое, колющее чувство, которое не давало ей сдаться.

— Я всё равно попробую, — снова прошептала она про себя. И на этот раз эти слова прозвучали не как заклинание, которым пытаются отогнать страх, а как твёрдое обещание — себе, своей мечте, даже той маленькой девочке внутри, которая когда-то впервые встала на сцену в школьном актовом зале и поверила, что может быть услышанной.

Двери в аудиторию распахнулись, выпуская наружу волну шума и света — будто из замкнутого, напряжённого мира вдруг приоткрыли дверь в ослепительную неизвестность. Какая-то девушка вышла оттуда, торопливо вытирая слёзы, и, не глядя по сторонам, поспешила прочь, будто хотела как можно скорее оставить позади этот миг, где её надежда столкнулась с реальностью.

— Номер двадцать три, — раздался голос администратора, и Даша вздрогнула, будто её выдернули из собственных мыслей.

Алина тихо шепнула:

— Это ты. Иди.

Даша кивнула, сжала в пальцах распечатку монолога — бумага уже не дрожала так сильно. Даша посмотрела на Алину, и та, поймав её взгляд, уверенно кивнула:

— Ты справишься.

В этом коротком кивке было больше поддержки, чем в длинных ободряющих речах: в нём читалось, что Алина верит в неё, даже если сама до конца не верит в себя. И этого оказалось достаточно.

Даша шагнула вперёд — навстречу свету, навстречу страху, навстречу своей первой битве за место под софитами. Каждый шаг отдавался в груди глухим ритмом, будто само сердце отбивало такт: «Ты можешь. Ты здесь. Ты пробуешь».

А в глубине зала, среди членов комиссии, она вдруг заметила того самого парня,

Глава 3

Даша стояла перед дверью аудитории. Гул чужого волнения лип к коже. В пальцах дрожала распечатка — монолог Анны из «Дамы с собачкой». Даша не хотела играть страдание — ей нужно, чтобы каждое слово било по рёбрам.

Она шагнула на сцену — зал затих. И тут Даша увидела его: тот самый парень, что врезался в неё у ворот. Он сидел в третьем ряду, ссутулившись, но взгляд у него был острый. Их глаза встретились, и голос провалился куда-то к пяткам.

В голове прозвучал мамин голос: «Ты не обязана быть безупречной — тебе достаточно быть настоящей». Даша выдохнула и начала:

— Я дурная, низкая женщина, я себя презираю... Я не мужа обманула, а самое себя. И не сейчас только, а уже давно обманываю...

Голос дрожал, как тонкая струна, но с каждым словом дрожь становилась силой. Даша не пряталась за интонациями — она проживала эти строки.

Снова взглянув на парня, она не отвела глаз. Он тоже не отвернулся. В его взгляде читалось уважение: ты не прячешься.

Когда Даша закончила, в аудитории повисла пауза, тяжёлая, как после удара колокола. Председатель комиссии медленно кивнул:

— Спасибо. Это было честно. А честность здесь ценится дороже техники.

Даша вышла, не оглядываясь. В груди гулко стучало, пальцы сжимали распечатку. Когда дверь закрылась, тишина коридора будто кричала: «А если этого было мало?»

Она прислонилась к холодной стене, чувствуя, как прохлада возвращает ощущение реальности. Ладонь сжимала скомканную бумагу. Даша осторожно расправила лист — будто в строчках можно было найти подтверждение: да, она это сделала.

Через несколько минут дверь распахнулась, и в коридор вынырнула Алина — с горящими глазами и лёгкой улыбкой.

— Даш! — прошептала она, схватив Дашу за руку. — Ты не поверишь, я читала и думала только об одном: лишь бы ты не накрутила себя до того, что решишь, будто всё пропало. Ты слушала?

Даша покачала головой:

— Нет... специально не слушала. Боялась начать сравнивать: вот у неё голос громче, вот интонация красивее, а у меня всё не так.

Алина притянула её к себе в короткое крепкое объятие.

— Знаешь, иногда самое смелое, что можно сделать, — это не слушать, как читают другие. Твой голос не должен быть громче или красивее. Он должен быть твоим. И ты его не прятала.

Даша слабо улыбнулась — к горлу подступал комоч благодарности.

Коридор гудел голосами.

— Ну что, — Алина схватила Дашу за руку, — мы это сделали. Даже если нас выгонят завтра, сегодня мы стояли на сцене.

Даша кивнула. Горло сжималось от напряжения, но внутри растекалось тёплое облегчение.

Комнату в общежитии им дали на высоком этаже — с видом на ночной город. Когда они открыли окно, в комнату ворвался прохладный ветер, пахнувший дождём и асфальтом.

Даша достала из сумки фото с мамой — то самое, где они смеются, прижавшись щеками. Поставила снимок на тумбочку и на секунду прикрыла глаза: да, она всё ещё связана с домом.

Алина попыталась разрядить тишину:

— Слушай, тут даже воздух другой. Как будто если глубоко вдохнуть, станешь чуть талантливее. Или хотя бы чуть менее нервной.

Даша улыбнулась.

Шкафчик у стены выглядел потрёпанным: краска облупилась, петли скрипели, дверца держалась на честном слове. Даша потянула её — дверца хрустнула и отвалилась, едва не прилетев Алине по колену.

Алина расхохоталась:

— Ну вот. Официально: это знак. Нам предстоит ремонт. Надо сделать это место нашим. Не просто комнатой, а крепостью.

Даша кивнула: ремонт — это что-то настоящее, что можно потрогать руками.

Осторожно постучали в дверь. Даша замерла, пальцы вцепились в край свитера. Алина приподняла бровь:

— Тишина длилась ровно семь минут. Рекорд, кстати.

Стук повторился — чуть увереннее. Даша глубоко вдохнула и распахнула дверь.

На пороге стояли парень и девушка. Парень — высокий, в джинсовке с закатанными рукавами. Он сразу улыбнулся легко и открыто.

— Я Даня, а это Диана, — он чуть развернулся, чтобы её тоже заметили.

Диана стояла рядом — смелая, яркая, с длинными розовыми кудрями. Она держала папку, чуть покачивая.

— Привет, — она наклонила голову. — Староста сказал собрать всех, кто прошёл прослушивание. В кафе внизу. Там уже почти все. Если бы Даня не пошёл, я бы пошла сама — терпеть не могу, когда кто-то сидит один и переживает.

Алина шагнула вперёд:

— А я Алина, а это Даша. Мы как раз собирались.

Даша осталась чуть позади, но теперь ей было легче стоять в проёме. Она кивнула Дане и Диане — тихо, но с благодарностью.

Они двинулись по коридору. Даня шёл впереди, время от времени оглядываясь. Диана шла рядом с Алиной, и та тут же начала рассказывать про дрожащие руки и доброе лицо в зале, которое придало сил.

Даша шла следом, ловя обрывки фраз и смех. «Можно ли уже называть их друзьями?» — мелькнуло в голове. «А если пока просто „новыми людьми, с которыми хочется быть рядом“ — этого хватит».

Лестница вниз будто стёрла лишние слова. С каждым пролётом тревога становилась тише.

Даня уверенно свернул в узкий переулок, где воздух был гуще от запахов выпечки и кофе.

— Почти пришли, — бросил он через плечо, и в этом «почти» было столько спокойствия, что Даша впервые за вечер выдохнула по-настоящему.

Кафе оказалось тихим местом с большими окнами. Внутри пахло свежим хлебом и корицей, свет был мягким.

Даня придержал дверь, пропуская всех внутрь. Внутри уже собралась компания студентов: кто-то спорил о сцене, кто-то листал сценарий, кто-то просто улыбался.

Кто-то махнул рукой:

— О, вот и последние! Сюда, тут как раз есть место для тех, кто ещё не верит, что прошёл.

Алина шагнула вперёд. Диана мягко подтолкнула Дашу локтем:

— Идём. Тут не кусаются. Тут просто все немного волнуются, но делают вид, что всё под контролем.

Даша улыбнулась и пошла следом. Не как чужая, не как «ещё одна новенькая», а как та, кто нашёл свою дверь и решился её открыть.

Внимание Даша привлекла блондинка — яркая, с живыми глазами.

— Вы те самые, что были на прослушивании? — спросила она. — Я видела, как вы шли по коридору. У вас такой вид, будто вы только что вышли из шторма, но ещё не верите, что выжили.

Даша неловко улыбнулась, а Алина подхватила:

— Мы выжили. Пока что. Но шкафчик в комнате нас чуть не победил.

Все рассмеялись, и напряжение начало таять.

Разговор быстро свернул к будущему прослушиванию, к страхам и мечтам. Полина — так звали блондинку — тихо сказала:

— Знаете, я тут заметила одного преподавателя — Кирилла Дмитриевича. Он был в комиссии. Он не старается всех очаровать. Наоборот — будто вообще не думает о том, какое впечатление производит. Но когда он говорит, все замолкают. Не потому что бояться, а потому что хочется услышать каждое слово. Думаю, это и есть настоящий талант: не кричать, а звучать так, что тебя слышат.

Она запнулась и быстро добавила тише:

— И да... я, кажется, в него влюбилась. Ну, не всерьёз, наверное. Просто когда он кивнул после моего монолога, мне казалось, что я могу теперь вообще всё. Даже летать.

Алина толкнула Дашу локтем и прошептала:

— Знаешь, я рада за неё. Пусть будет хоть одна простая радость — кому-то понравиться. Или просто почувствовать, что тебя заметили.

Даша смотрела на Полину — на то, как та уткнулась в чашку, будто хотела спрятать эту откровенность, и в груди становилось теплее. Здесь можно было выдохнуть, признаться в чём-то маленьком и личном, и никто не станет смеяться.

За окном город окончательно стёр границы между днём и вечером: фонари зажигались один за другим, а свет из кафе ложился на стол тёплыми квадратами. Даша обхватила ладонями горячую чашку. Пусть впереди ещё сотни страхов — сегодня они сидели здесь, вместе, и город за окном казался уже не таким чужим.

Когда они разошлись по комнатам, коридор почти стих. Алина упала на кровать и почти сразу уснула.

Даша не легла. Она села у окна, подтянув колени к груди, и смотрела на ночной город. Он не спал: мелькали фары, горел одинокий свет в окне. Город казался огромным и немного чужим, но теперь в нём было место и для неё. Даша вдыхала прохладу и чувствовала, как напряжение дня медленно оседает.

Она не думала ни о чём конкретном — просто позволяла глазам скользить по огням, по теням домов, по редким прохожим. В голове тихо крутилась фраза Алины: «Мы это сделали». Этого было достаточно, чтобы сидеть вот так, у окна, и просто быть.

На следующий день у них был выходной. Утром они получили добро на ремонт — не капитальный, а «чтобы привести в порядок». Для Даши и Алины это значило куда больше: зелёный свет на то, чтобы сделать комнату своей.

Они отправились по магазинам. Сначала шли быстро, будто боялись, что разрешение отменят, а потом замедлились — вокруг было столько всего: витрины, вывески, запахи свежей выпечки.

Обои выбирали долго. Алина хотела что-то яркое, Даша — спокойные, тёплые оттенки. В итоге сошлись на бежево-кремовых с едва заметной текстурой.

С мебелью было сложнее. Нашли небольшой стеллаж с открытыми полками, две одинаковые настольные лампы с тёплым светом, мягкий плед.

Пакеты и коробки росли. К середине дня Даша чувствовала, как пальцы немеют от ручек, а спина просит пощады. Но они не сдавались: спорили, смеялись и шли дальше.

Когда они вышли из последнего магазина, нагруженные так, что почти не видели дороги, из-за угла вывернули Даня и Стас.

— Стас, смотри, армия грузчиков уходит в закат, — рассмеялся Даня. — Вы что, решили за один день обставить всю общагу?

Алина, из-под пакета виднелась только макушка, выдохнула:

— Почти. Осталось только дотащить это до комнаты и не уронить по дороге.

Стас тут же шагнул вперёд, ловко перехватил самый тяжёлый пакет:

— Давай сюда. Я как раз тренируюсь быть полезным.

Даня подхватил коробки, подмигнул:

— Мы тут мимо шли, а тут вы — как ходячий пункт выдачи заказов. Нельзя же бросать людей в такой ситуации.

Идти стало легче. Даня рассказывал, как однажды пытался собрать книжную полку и в итоге построил «что-то среднее между лестницей и скульптурой», Стас закатывал глаза и добавлял свои версии, а Алина смеялась так, что даже тяжёлые пакеты будто становились легче.

Даша шла чуть позади, слушая болтовню, и вдруг поймала себя на мысли, что ей не хочется ничего добавлять. Достаточно просто идти рядом и знать, что если пакет начнёт сползать, кто-то тут же его подхватит.

До общежития добрались быстрее, чем думали. Пока поднимались по лестнице, Даня всё время оборачивался, проверяя, не отстали ли девушки, а Стас подбадривал:

— Ещё один пролёт. Ты держишь. Мы держим. Всё держим.

В комнате свалили пакеты у порога. Комната будто сразу наполнилась жизнью — шуршанием упаковок, смехом, торопливыми «куда это поставить».

— Ну вот, — сказала Алина, оглядываясь. — Теперь это официально наша крепость. Осталось только собрать всё это.

Даша подошла к окну и на секунду снова посмотрела на город. Теперь он уже не казался таким чужим.

Стас и Даня стояли в дверях, оглядывая комнату.

— Ну, — протянул Даня, потирая руки, — выглядит как вызов. Или как квест, где главный приз — чтобы это всё перестало выглядеть как склад.

Стас чуть нахмурился и сделал шаг назад:

— Я бы с радостью, но у меня сегодня ещё пара дел. Да и в ремонте я не спец: один раз пытался полку повесить — в итоге у меня была полка, три дюбеля в стене и чувство, что я оскорбил все строительные нормы.

Алина упёрла руки в бока:

— Ты не должен быть мастером. Ты должен быть человеком, который просто держит край, пока мы пытаемся не испортить всё окончательно. Даже если ты просто будешь стоять и говорить «да, тут ровно», это уже будет помощь.

Стас вздохнул, но в этом вздохе уже не было отказа:

— Ладно. Но если что — я предупреждал.

Алина расплылась в улыбке:

— Ура! У нас есть мужская поддержка. И даже с оговорками — это лучше, чем вообще без неё.

Пока девушки доставали из коробок рулоны и раскладывали инструменты, парни сверяли края полотен, прикидывали, где будет стык, а где придётся подрезать.

— Главное — не торопиться, — наставлял Стас. — Обоим любят терпение. И ровные руки.

Даша кивнула, стараясь выглядеть уверенной, но пальцы чуть подрагивали.

Они начали с самой простой стены. Даня держал полотно ровно, Стас аккуратно разглаживал его широким шпателем, сгоняя воздух вниз, а Даша с Алиной подавали инструменты и следили за краями.

В какой-то момент Даша взялась за следующий лист сама. Клей нанесла щедро, приложила полосу к стене. Всё шло хорошо ровно до середины: потом край пошёл волной, а в углу собрался в мелкую гармошку.

— Ой, — тихо сказала Даша.

Стас хмыкнул без злости:

— Ничего. Это мы снимем. А ты пока займись чем-то, где не нужен точный расчёт. Например, окна. Они у вас будто в сеточке — через них город не разглядеть.

Даня поддержал:

— Точно! Окна — это важно. Это как прожектор для сцены: если стекло мутное, даже лучшая декорация выглядит дешёво.

Даша вздохнула и кивнула:

— Ладно. Окна так окна.

Она взяла скребок, тряпки и средство с запахом лимона и ушла туда, где можно было просто тереть стекло и не думать о том, что всё криво.

А в комнате кипела работа. Даня включил бодрый плейлист, и под ритмичный бит они со Стасом быстро сняли остатки старых обоев, прошлись по стенам грунтовкой и начали клеить новые — ровно, без спешки.

Алина разбирала коробки, сортировала вещи, прикидывала, как лучше расставить мебель. Кровати поставили у своих стен, рабочее место отделили стеллажами — лёгкими, сквозными. На полках сразу нашлись места для всего важного: учебники встали ровными рядами, фото — на видное место, между ними примостились маленькие сувениры.

Рабочие места устроили у окна — так, чтобы свет падал ровно. Два стула, две лампы, узкие полки по бокам: всё просто, но с расчётом на то, что здесь будут жить не только конспекты, но и маленькие привычки. Алина поставила на край стола маленький горшок с зеленью и улыбнулась: комната теперь по-настоящему их.

Когда последние рулоны были убраны, а остатки клея смыты, Стас отступил на шаг и удовлетворённо кивнул:

— Ну вот. Теперь это не просто комната. Теперь это крепость.

Даня хлопнул его по плечу:

— И крепость чистая. Особенно окна — Даша их так оттерла, что теперь видно даже, как на том доме напротив кто-то занавеску поправляет.

Даша смущённо улыбнулась:

— Зато без пузырей.

Стас и Даня задержались ещё на полчаса — помогли расставить последние мелочи, проверили, чтобы ничего не шаталось, и засобирались.

— Ну, мы пойдём, — сказал Стас. — Завтра у вас первый учебный день. Так что сейчас — только отдохнуть.

Даня подмигнул:

— А если что — мы рядом. И да, если вдруг решите клеить ещё что-нибудь — зовите. Но лучше не сегодня.

Когда дверь за ними закрылась, в комнате повисла тишина — не пустая, а наполненная чем-то новым. Даша провела ладонью по чистому стеклу и посмотрела на город: фонари, огни витрин, редкие машины.

Алина раскладывала на столе тетради, ручки, расписание.

— Завтра первый день, — тихо сказала она. — И знаешь, что самое странное? Мне уже не страшно. Ну, почти не страшно.

Даша села на кровать, подтянула к себе плед и кивнула:

— Мне тоже. Наверное, потому что теперь у нас есть не только аудитория и расписание. У нас есть это место. И люди, которые знают, что у меня не получается ровно клеить обои, но всё равно улыбаются.

Алина улыбнулась, поставила на полку маленькую лампу и щёлкнула выключателем. Тёплый свет лёг на стены, на новые обои, на круглый коврик посреди комнаты, и комната будто окончательно стала их.

— Давай готовиться, — сказала она. — Завтра будет утро, будильник, сборы, первые пары. Но сегодня — мы просто сидим тут, в нашей крепости, и знаем, что всё на своих местах.

Они начали: листали страницы, делали пометки, обсуждали, какие лекции будут самыми сложными, а какие — самыми интересными. Время текло медленно, но не тягостно — так течёт вечер, когда день был долгим, но хорошим.

Когда стрелки часов подошли к полуночи, Алина зевнула, потянулась и закрыла тетрадь:

— Всё. Больше не могу. Завтра голова должна быть ясной.

Даша кивнула, убрала конспекты, выключила лампу и посмотрела в окно в последний раз. Город не спал, но теперь в его шуме и огнях не было угрозы — только обещание: впереди много дней, много сцен, много ошибок и побед. И она была готова к ним — не одна, а вместе с теми, кто рядом.